Выпускъ ЧЕТВЕРТЫЙ

I-во

„Очарованный Странникъ."

АЛЬМАНАХЪ ИНТУИТИВНОЙ КРИТИКИ И ПОЭЗІИ.

АПОЛОГІЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛЖИ.

«Единственная безупречная форма лганья—это ложь ради лжи, а высшей стадіей этого дарованья является ложь въ искусствѣ».

О. УАЙЛЬДЪ.

Димитрій Крючковъ

ВЫШЛА ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ:

„ЦВѢТЫ ЛЕДЯНЫЕ“

Издательство „Очарованный Странникъ“

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

„ПАДУНЪ НЕМОЛЧНЫЙ“

ПЕРВАЯ КНИГА СТИХОВЪ.

Цѣна 50 коп.

Издательство „Петербургскій Глашатай“.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

„Синь огнетворящая“ (выходитъ осенью),
„Взмахъ кадила“,
„Лапландскіе стихи“,
„Аллея поющихъ тонко фонарей“ (Городскіе сны) и
„Голубокрылый бегемотъ“.

Адресъ автора: СПБ. 3-я Рождественская ул., д. 6, кв. 5. Телеф. 208—91.

И-во „ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ“.

АЛЬМАНАХИ ИНТУИТИВНОЙ КРИТИКИ И ПОЭЗІИ.

Содержаніе выпуска перваго (ноябрь).

В. Ховинъ. Фанатикъ въ пурпуровой мантіи.—**Д. Крючковъ.** Демимонденка и Лѣсофея (И. Сѣверянинъ).—**Келейникъ.** «Бѣсы» Достоевскаго и «бѣсы» Горькаго.—**П. О.** «Pour epater les bourgeois». **Вѣхинъ.** «Всероссійскій Литераторъ».

Содержаніе выпуска второго (декабрь).

СТИХИ: Ѳедора Сологуба, Игоря Сѣверянина, Димитрія Крючкова и В. Солнцевой.
СТАТЬИ: Викторъ Ховинъ. Силуэты русскаго декаданса. I. Печальный пилигримъ-предтеча.—**Д. Крючковъ.** Церковь въ Листвѣ (Ф. Жаммъ).—**Чеботаревская.** По поводу нѣкоторыхъ юбилеевъ.—**М. Бабенчиковъ.** Волшебство внезапное.—**Газтанъ.** Очередное недоразумѣніе. **Библіографія.**

Содержаніе выпуска третьяго (январь).

СТИХИ: З. Гиппіусъ, Игоря-Сѣверянина, Рюрика Ивнева, Димитрія Крючкова, Вадима Шершеневича, М. Струве и кн. Шахназаровой.
СТАТЬИ: Виктора Ховина—Мѣдь гремящая и кимвалъ звучащій, **Димитрія Крючкова**—Критикъ-интуитъ (И. Анненскій). **Памяти Игнатьева. Библіографія.**

Цѣна 35 копѣекъ.

Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ и-вѣ.

Адресъ издательства: Невскій пр., д. 160, кв. 2. Тел. 45—90. В. Р. ХОВИНЪ.

Содержаніе выпуска четвертаго.

ПОЭЗІЯ:

Игорь Сѣверянинъ—

Рондо.

Весенній мадригалъ.

Димитрій Крючковъ—

Ты помнишь, какъ сплеталъ любовь февраль.

Ты думаешь, что Солнце золотое?..

Я на землѣ утѣхи знаю три.

Тредьяковскому.

Рюрикъ Ивневъ—

Смерть.

М. Струве—

На лыжахъ.

КРИТИКА:

Келейникъ—

Лимонадная Симфонія.

В. Ховинъ—

Поэзія талыхъ сумерекъ (И. Анненскій).

Свѣнельдъ—

Религія иллюзій (А. Блокъ).

С. Вермель—

Театральное дѣйство.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РОНДО.

Л. Рындиной.

Читать тебѣ себя въ лимонномъ будуарѣ,
Какъ яхту грезъ его принявъ и полюбя,
Взамѣнъ невѣрныхъ словъ, взамѣнъ шаблонныхъ арій
Читать тебѣ себя.

Прочувствовать тебя въ лиловомъ пенюарѣ,
Дробя грядущее и прошлое, дробя
Второстепенное и сильнымъ быть въ ударѣ.

Увѣриться, что міръ сосредоточенъ въ парѣ,
Лишь въ насъ съ тобой, лишь въ насъ! И только для тебя
И только о тебѣ, вѣнчая взоръ твой царій,
Читать тебѣ себя.

Игорь Сѣверянинъ.

ВЕСЕННІЙ МАДРИГАЛЪ.

Въ душистомъ бѣло-розовомъ горошкѣ
Играютъ двѣ батистовыя крошки,
Постукиваютъ ножки по дорожкѣ,
Показываетъ бонна дѣтямъ рожки.
О, фрейленъ, Вы и пара Вашихъ крошекъ
Душистый бѣло-розовый горошекъ.

Игорь Сѣверянинъ.

---

* * *

Ты помнишь, какъ сплеталъ любовь февраль,
Какъ въ паркѣ было сине и свѣтло,
Какъ жадно мы вдыхали снѣга таль
И землю томную какъ нѣжная печаль
И хрупкое, ледяное стекло!
Ты помнишь, какъ чертилъ аэропланъ
Надъ шумностью налюденныхъ трибунъ,
Какъ мы съ тобой искали синихъ странъ
И вникнувъ въ ослѣпительный обманъ,
Такъ чаяли лученья новыхъ лунъ!
Ты помнишь (это было такъ давно),
Какъ въ тундрѣ мы срывали мелкій мохъ,
Глядѣлися въ озерное окно
И пили океанное вино,
Соленый, изумрудный, влажный вздохъ!
Ты помнишь... Знаю я, не помнишь ты,
Какъ въ этой домности забыли мы про таль,
Про скальности, про милыя юрты...
О нѣжная, лучи твои черты,
Фіаль меня—настанетъ вновь февраль!

Димитрій Крючковъ

* * *

Ты думаешь, что Солнце—золотое?
О нѣтъ, оно зеленое подчасъ
И фіолетовый тебѣ покажетъ глазъ
И вдругъ появится внезапно—голубое!
Когда влюбленъ ты, развѣ въ этотъ день
Оно не розово смѣется надъ кустами?
А какъ томишься ты нелѣпыми мечтами
На немъ зеленая цвѣтетъ надежды тѣнь.
Воспоминанія плетутъ докучно сѣти
И фіолетовый глядитъ печально глазъ...
Въ крови запятнанный закатныхъ сновъ алмазъ—
Еще мгновеніе—и будешь въ вѣчномъ Свѣтѣ.
Нѣтъ неизмѣннаго, все каждый мигъ иное
И это небо хмурится подчасъ
И голубой, зеленый кажетъ глазъ...
Напрасно думаешь, что Солнце—золотое!

10 февраля 1914 г.

Димитрій Крючковъ.

* *
*

Я на землѣ утѣхи знаю три:
Лѣсъ густолиственный, морей соленыхъ шумъ
И въ тихой прелести вечерни алтари,
Въ сѣдинахъ ладана, въ мерцаньи кроткихъ думъ.
Лѣсъ густолиственный, зеленый саккосъ твой,
Вѣнчанный митрою небесно-голубой!
Родимо-радостный, ты тьмою темъ листовъ
Шуршащій набожно безъ скудноясныхъ словъ.
Валъ мѣрно-зыблемый, текучій изумрудъ,
На днѣ таящійся осклизло-злобный спругъ,
Ты хлябей пѣнящихъ нѣмая глубина,
Хрусталь соленаго, зеленаго вина!
Звонъ еле слышимый въ дремотности полей,
Престолъ въ сверканіи святыхъ семи огней,
Сѣдое облако дымящихся кадилъ
И сердца бѣднаго нѣмой и слезный пылъ...
Пока не сниду въ гробовой земли уклонъ,
Я на землѣ утѣхи знаю три:
Лѣсъ густолиственный, морей шумящихъ звонъ
И въ тихой прелести вечерни алтари.

1 Февраля 1914.

Димитрій Крючковъ.

ТРЕДЬЯКОВСКОМУ.

Мой неискусный и сомнительный сонетъ
Тебѣ позволь отдать осмѣянный піита—
Да, память о тебѣ насмѣшкою покрыта
Лишь для того, кто не былъ самъ поэтъ!
Въ чертогахъ золоченыхъ, легкихъ никсъ
На утрѣ дней блестящихъ Петрограда
Тебѣ судилась сладкая награда—
Улыбка Росскія Императриксъ.
Иныхъ вѣковъ непонятый инфантъ
Для грубой пошлости чудовищенъ и дикъ,
Ты, облеченный въ пудреный парикъ,
Путеводительный въ чащобѣ элефантъ.
Не риѳменникъ пустой, нѣтъ, не таковскій—
Торжественный піита—Тредьяковскіи!

5 февраля 1914.

Димитрій Крючковъ.

СМЕРТЬ.

Нарядный, вышитый шелками Невскій,
Коверъ изъ ногъ, ушей и быстрыхъ глазъ.
Шершавыя чуть шевелятся занавѣски
На окнахъ отъ запрятанныхъ гримасъ.

* * *

А бѣлый дымъ, сгущенный въ катафалкѣ,
Несется медленной и ласковой рѣкой
И если это мартъ, то сонныя фіалки
Распродаются сморщенной рукой.

* * *

Особенная тишина—въ ушахъ вуаль густая,
Дворецъ и мостъ, врачебный кабинетъ,
И если это мартъ, то снѣгъ, нарочно тая,
Вдругъ обнажаетъ каменный скелетъ.

* * *

Мгновенье—стукъ, мгновенье очень страшно
Потомъ улыбка неприличныхъ губъ
И ротъ, который искренно накрашенъ
Глотаетъ сердце, воздухъ, дымъ и трупъ.

Рюрикъ Ивневъ.

НА ЛЫЖАХЪ.

Скользя безоблачнымъ раздольемъ
По свѣтлозолотому снѣгу,
Дыша морознымъ бѣлопольемъ,
Я преданъ лыжному разбѣгу.

* * *

Когда мнѣ поле станетъ скучнымъ,
Я лѣсомъ медленно мелькаю,
И скрипомъ лыжъ короткозвучнымъ
Звучу, звеню, слѣплю, сверкаю.

М. Струве.

ЛИМОНАДНАЯ СИМФОНІЯ.

Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна
Какъ лѣтомъ—вкусный лимонадъ.

Державинъ.

За названіе прошу извинить меня—у меня и въ мысляхъ не было кого бы то ни было «эпатировать» титуломъ моей статьи. Хотя, конечно, если это привлечетъ больше вниманія, то пусть будетъ такъ. Хочу я говорить о печальной судьбѣ, заброшенности и гибельномъ положеніи русской поэзіи. «Позвольте!»—говорить тутъ недоумѣвающій обыватель изъ сочувствующихъ и слѣдящихъ за искусствомъ,—«въ чемъ же дѣло? Кажется, довольно интереса къ искусству! Лекціи читаютъ, книги издаютъ, физіономіи раскрашиваютъ и даже торжественные публичные диспуты устраиваютъ! Чего же еще, какого рожна вамъ надо?" А вотъ мнѣ то и кажется, что въ лекціяхъ и въ диспутахъ и заключается быть можетъ самый опасный рожонъ, противъ котораго, по пословицѣ—«не попрешь». Нужно сказать, что нынѣшніе диспуты напоминаютъ пѣтушиные бои—публика сидитъ, наблюдаетъ, кто кого больнѣе клюнетъ и въ сущности втайнѣ жаждетъ скандала или комическихъ сценъ. А г.г. художники изощряются передъ «почтеннѣйшей» и въ американской и во всякой иной борьбѣ; все выставляется наружу — личные счеты, партійная солидарность и наконецъ полнѣйшее отсутствіе дара говорить публично. Хорошо еще, если мнѣнія сталкиваются въ словесной области, какъ напр. это было на диспутѣ о «новомъ словѣ» въ Тенишевскомъ училищѣ. Гораздо хуже обстоитъ дѣло, когда на литературу начинаютъ напирать представители *торжествующей общественности*—безразлично отъ того, являются-ли они новоявленными религіозниками или же принадлежатъ къ доброй старой школѣ испытанныхъ марксометровъ. Художникъ, слѣдуя евангельскому завѣту, прямо не успѣваетъ подставлять ланиты подъ оплеухи справа и слѣва. И притомъ какая завидная солидарность! Чуковскій въ трогательномъ союзѣ съ апостоломъ религіи всеобщей сытости Коганомъ воспѣваютъ «массовыя переживанія» и послѣдній восклицаетъ: «Нашъ экстазъ—отрицаніе вѣчности»!

Искусство вышло на эстраду лишь для публичнаго заушенія и оплеванія. Это не преувеличено, а много преуменьшено — попытки связать поэзію, оскопить творческое сознаніе дѣлаются каждый разъ все настойчивѣе и настойчивѣе. Неужели же это время, эти дни мы назовемъ расцвѣтомъ, днями повышеннаго и чуткаго интереса къ поэзіи? Вся исторія критическаго разбора поэтическаго творчества на Руси представляетъ собою, лишь за весьма немногими исключеніями, своего рода крикливую и пустую «лимонадную симфонію». Сдѣланное нѣкогда Державинымъ опредѣленіе пришлось по вкусу и публикѣ и критикѣ: всѣ пріяли его—и тѣ, кому не даютъ говорить и тѣ, которые слишкомъ много говорятъ, отъ Писарева до Буренина—потому что, слава Богу, кто же не мелетъ чепухи о поэзіи, о стихахъ, о творчествѣ! Говорить о порчѣ языка, о вырожденіи, объ ядовитомъ вліяніи индивидуализма сейчасъ одинаково модно и принято, какъ у литературныхъ дамъ, такъ и у разбирающихъ съ плеча «товарищей-писателей» неомарксистовъ и псевдохристіанъ. Въ лимонадной симфоніи лейтмотивъ все время былъ одинъ и тотъ же: «Не забывайся, не прыгай выше носу! Эка невидаль, что складно пишешь»! Только и разницы, что одни склоняются на сторону «пріятнаго и сладостнаго» лимонада, а другіе обуреваются высокими идеями и ищутъ даже въ отдохновеніи нѣкоей «полезности».

Мнѣ хотѣлось бы въ этой статьѣ показать весь размахъ и удаль современныхъ «лимонадщиковъ"—вѣдь отъ надушеннаго, цвѣтистаго менуэта добраго стараго времени дошли же мы нынѣ до всеуравнивающаго танго, въ которомъ дружески смѣшались Коганы и Ортодоксы съ Карташевыми и Философовыми. Конечно, не убѣждать я ихъ хочу—напились эти герои сегодняшняго дня досыта «мережковщиной» и на указанія, что играютъ они на безструнной балалайкѣ, отвѣчаютъ словами Епиходова: «Для безумца, который влюбленъ это мандолина».

Относительно «пріятнаго и сладостнаго» лимонада говорить много не придется. Плѣнительныя утонченность и ажурность творчества Михаила Кузмина размѣнялись на мелкую монету Гумилевскаго экзотизма, а слѣдующіе за ними безчисленные виршедѣльцы уже въ силу инерціи воспѣваютъ менуэтъ и бабушкины портреты. Но есть одно громадное преимущество въ этого рода поэзіи—она вся въ формѣ. Пусть даже это понимается чисто-внѣшне безъ чувствованія ея внутренней сущности, пусть такъ, но все же поэзія этого рода не тормозитъ хода искусства, не гонитъ насъ назадъ къ эпохѣ топорныхъ освободительныхъ виршъ и дубово-идейныхъ ламентацій кощунственно именовавшихся стихами.

Опаснѣе обстоитъ дѣло со сторонниками и любителями «полезнаго лимонада». Здѣсь еще легче говорить съ героями вчерашняго дня—марксистами. Они, по крайней мѣрѣ, не смѣшиваютъ картъ и являютъ все убожество своей «эстетики» при всемъ народѣ, не стѣсняясь и надѣясь все на тотъ же знаменитый здравый смыслъ „массовой психологіи". Въ сущности говоря, чѣмъ рѣзче и нетерпимѣе ихъ обвиненія по адресу свободнаго художества, тѣмъ лучше—мостовъ между *нами* и *ими* быть не можетъ и не должно. Они этого не хотятъ и мы поэты этого не желаемъ. Про долю твор-

ческую еще кудесникъ въ „Пѣснѣ о вѣщемъ Олегѣ“ сказалъ:

Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.

Единое содружество съ небесной волей нужно намъ и благодатно для нашего призванія. Дороги наши съ поклонниками толпъ и ихъ будничныхъ, осуществимыхъ цѣлей всегда шли розно и не можетъ быть примиренія между нами. Мы—враги ихъ, но они не страшны намъ, а омерзительны какъ Передоновъ и прочая мелкая нечисть сѣрѣющаго дня. Есть вѣдь не только святая любовь—должна и будетъ пламенѣть въ нашихъ сердцахъ божественная, *святая ненависть* къ стремящимся изнасиловать Психею и поселить ее въ домѣ будничнаго, привычнаго разврата.

Но не такъ опасны враги явные, какъ крадущіеся въ маскѣ, съ Именемъ дорогимъ на устахъ — религіозная общественность нашихъ дней. Много вѣковъ жила Русь обаяніемъ одного Имени, одной вѣры и еще (который!) разъ хотятъ сдѣлать изъ святыни нашихъ сердецъ базарную площадь, затоптать полянки, опрокинуть келейки, запрудить ручейки студеной водицы святой. Была дана намъ высшая свобода—свобода хотѣнія, свобода утери души во имя художества и этой-то свободы хотятъ лишить насъ. Да не таковскіе мы—не дадимся!

Кляните насъ—намъ дорога свобода
И буйствуетъ не разумъ въ насъ, а кровь
Въ насъ вопіетъ всесильная природа
И прославлять мы будемъ вѣкъ любовь.
Въ примѣръ себѣ пѣвцовъ весеннихъ ставимъ,
Какой восторгъ такъ говорить умѣть
Какъ мы живемъ, такъ мы поемъ и славимъ
И такъ живемъ, что намъ нельзя не пѣть!

Почти четверть вѣка тому назадъ геніальный Фетъ создалъ это credo истиннаго поэта и съ пламенной вѣрой мы вторимъ его словамъ, мы, разбившіе сердца наши какъ сосудъ альвастровый, чтобы сердечный, кровавый токъ чудотворяще преобразился въ благоуханное мѵро поэзіи. Въ часъ опасности, въ часъ гибельной бури зорко глядите поэты въ угрюмую ночь. Хочетъ поглотить ладью нашу тьма, но сверкнетъ дивный свѣтъ Ѳаворскій и по волнамъ придетъ къ намъ Избавитель, тотъ же мощный и древній, какъ и въ тѣ дни, когда море пополамъ Онъ раздѣлилъ для избранныхъ своихъ. И раньше были явленія темныхъ ликовъ, были поэты влачившіе

По прихоти народа
Въ грязи низкопоклонный стихъ.

Но пути истинные, пути къ лучащему Граалю были всегда скрыты отъ нихъ—пѣвцовъ долины, пѣвцовъ ежедневнаго попеченія о нуждѣ минутной. Мы слышали, когда сливало насъ съ братьями одно желаніе и одно вкушеніе Божественныхъ Даровъ, незабываемыя слова: «Всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе». Такъ неужели же не отложимъ ради Сущаго, поклонимся безглазому лику Тьмы и Пошлости:

Писанію внемли:
Предъ Богомъ Господомъ лишь преклоняй колѣни!

Любимъ мы и Землю, любимъ и Жизнь—какъ обрядъ, какъ таинство любимъ, какъ *волшебство*. И не страшимся сказать это слово—волшебство. Развѣ не побѣдилъ Моисей чары волхвовъ, развѣ не была ему, косноязычному, дана безсловесная мощность чуда? И мы всѣ—кудесники слова, магическіе заклинатели. Если мы водимъ хороводы, волшбу дѣемъ, такъ развѣ не свѣтлое заклятіе пасхальный ходъ вокругъ Божьяго дома, развѣ не магическая сила Воскресшаго въ повторяемыхъ словахъ и сверканіяхъ жаркихъ свѣчей? Въ этой магіи, въ благословенномъ волшебствѣ — единая сущность Искусства, единая и непреходящая его мощность:

Поэзія—не простодушный лимонадъ
И жреческая кровь затѣмъ лишь жарко рдѣетъ,
Да чаша сердца звонко золотѣетъ
И въ часъ молитвенный пріемлетъ томный ядъ.

Путь къ Граалю открылъ лишь простецъ святой—Парсифаль. А каждый поэтъ, истинный, горящій, свободный—развѣ онъ не святой глупецъ, у котораго чаша неземная засвѣтилась неизглаголаннымъ свѣтомъ? Борьба наша съ похитителями Копья, оскопленными Клингзорами нашихъ дней только еще начинается. И если символизмъ желаетъ строить мосты для оскопившихъ себя рабовъ толпы и быта, поклоняющихся Маммону и въ жертву ему приносящихъ Золотую Книгу Христа и всѣ слова Его о нескончаемой злобѣ міра, то мы проклинаемъ и отрицаемъ *такой* символизмъ. Мы знаемъ, что въ этомъ вновь обрѣтенномъ символизмѣ нѣтъ ничего кромѣ пустоты звонкихъ фразъ и масокъ прикрывающихъ скопческое, угодливое лицо льстецовъ и любимцевъ толпы.

Къ музамъ, къ чистому ихъ храму
Продажный рабъ, не подходи!

Если Фетъ клеймилъ такъ служащихъ «прихоти народа», то и въ золотомъ звонѣ пушкинскаго стиха послышатся для нихъ, для возлюбившихъ брашна міра, злая укоризна и гордое отреченіе:

Не дорого цѣню я громкія права
Отъ коихъ не одна кружится голова...
И мало горя мнѣ, свободно ли печать
Морочитъ олуховъ иль чуткая цензура
Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура...
Все это, видите-ль, слова, слова, слова!
Иныя, лучшія мнѣ дороги права,
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа—
Не все ли намъ равно?

Къ этой пушкинской, золотой свободѣ, свободѣ художника и мага я призываю васъ, поэты Настоящаго Дня! Все тяжко и несносно намъ, всѣ цѣпи—будь это цѣпи неосимволизма или указка марксистскихъ механиковъ. Но раньше всего, но съ самымъ глубокимъ негодованіемъ мы отринемъ скопящихъ себя и искусство *новыхъ христіанъ*. И отринемъ ихъ потому что не понять и забытъ ими самый великій подвигъ, истинный подвигъ поэта—стезя пророка—юрода. Лишь въ юродномъ отсѣкновеніи міра засвѣтится для насъ Невечерній Свѣтъ и станутъ достижимы Ѳаворы пророчества. Пройдемъ же спокойно и вѣще среди бѣснующихся и кричащихъ—великую радость намъ далъ Христосъ—быть творцами. И этой радости не изживемъ ни здѣсь, ни въ вѣкѣ будущемъ.

Тоскливый сонъ прервать единымъ звукомъ,
Упиться вдругъ невѣдомымъ, роднымъ,
Дать жизни вздохъ, дать сладость тайнымъ мукамъ,
Чужое вмигъ почувствовать своимъ,
Шепнуть о томъ, предъ чѣмъ языкъ нѣмѣетъ,
Усилить бой безтрепетныхъ сердецъ—
Вотъ чѣмъ пѣвецъ лишь избранный владѣетъ!
Вотъ въ чемъ его и признакъ и вѣнецъ!

КЕЛЕЙНИКЪ.

9 марта 1914.

День начала Весны и птицъ прилета.

ПОЭЗІЯ ТАЛЫХЪ СУМЕРЕКЪ.

(И. Анненскій).

Среди измѣнъ, среди могилъ
Онъ, улыбаясь, сыпалъ розы
И въ чистый жемчугъ перелилъ
Поэтъ свои нѣмыя слезы.
И. Анненскій.

Поэзія блекло-призрачныхъ сумерекъ, зеленовѣйной пробуждающейся весны и позолоченной ранней осени, замирающихъ звоновъ и идущихъ изъ безбрежности шумовъ...

Поэтъ талыхъ красокъ, стоящій у грани небытнаго, поющій въ лунно-серебристыхъ или закатно-желтыхъ солнечныхъ лучахъ призрачное, тающее, дымчатое...

И въ этой истомѣ таянья и замиранія—источникъ томительно-острыхъ, болѣзненныхъ переживаній поэта; въ этомъ прозрѣваетъ онъ „не нашу связь", а „лучезарное сліяніе", сліяніе съ небытнымъ, съ ничѣмъ и въ то же время съ чѣмъ-то бо́льшимъ, чѣмъ данное, видимое и осязаемое. Красота утратъ, упоеніе воспоминаніемъ и враждебность четкости, данности, вотъ міръ творческихъ переживаній поэта.

То полудня пламень синій,
То разсвѣта пламень алый,
Я-ль усталъ отъ четкихъ линій
Солнце-ль самое устало...
Но чрезъ пологъ темнолистный
Я дождусь другого солнца
Цвѣта мальвы золотистой,
Или розы и червонца.
Будетъ взорамъ такъ пріятно
Утопать въ сѣтяхъ зеленыхъ,
А потомъ на темныхъ кленахъ
Зажигать цвѣтныя пятна.

Яркость красокъ, рѣзанность и четкость линій, какъ это ни странно, но въ этомъ для поэта—мертвость, застылость и въ этой застылости рождается боязнь самому „застывая онѣмѣть". Потому-то чужая ему „грузная" зима—„отъ нея даже дыму не уйти въ облака", чужое яркое солнечное лѣто, ибо душа поэта проситъ не алыхъ розъ, а „розъ поблеклыхъ, гіацинтовъ небывалыхъ, лилій, плачущихъ на стеклахъ". И если говоритъ онъ о дняхъ, то, конечно, о мягкихъ и осеннихъ дняхъ, если говоритъ о солнцѣ, то, конечно, о солнцѣ, струящемъ свои блѣдно-холодные лучи сквозь цвѣтныя узорчатыя стекла храма. Но враждебный застылости одинаково враждебенъ поэтъ и шуму, даже „намекамъ шума", и средь взвизговъ и громыханій дѣйствительности тоскуетъ онъ только о томъ, чтобы „молча въ полутьму уводила думу дума". Шумы такъ же, какъ и онѣмѣлость, мѣшаютъ глубокому поэтическому созерцанію, подавляютъ упоеніе томящими воспоминаніями и красотой утратъ.

...Пойми: никто
Ему не нуженъ. Вотъ, Силенъ, что страшно,
Живетъ въ мечтахъ онъ, сердцемъ гордъ и сухъ..
И музыкой онъ боленъ.

Такъ говоритъ нимфа о Ѳамирѣ *) и Анненскому тоже никто не нуженъ, — живетъ въ мечтахъ и музыкой онъ боленъ, боленъ струнными лунными осеребреніями, свивающими хороводы блѣдныхъ печальныхъ тѣней.

„Лучей, однихъ лучей. Тамъ музыка"—взы-

---

*) Ѳамира—Киѳарэдъ. Вакхическая драма.

ваетъ Ѳамира и въ этомъ взывѣ тоска Анненскаго.

Живу я
Для черно-звѣздныхъ высей; лишь онѣ
На языкѣ замедленномъ и нѣжномъ,
Какъ вечера струисто-свѣтлый воздухъ,
Мнѣ иногда поютъ. И тотъ языкъ,
Какъ будто уловивъ его созвучья,
Я передать пытаюсь, но тоской,
Одной моей тоскою полны струны.

Его тоскою полны струны, его тоскою звучатъ и желтые сумраки золотистой осени, и сиреневая мгла, и закатное млѣнье Мая, ею трепещутъ и зеленовѣйные сады и томительно безбрежныя выси... Но, тоскуя, онъ все же не бѣжалъ къ обманамъ яркихъ солнечныхъ дней и пышной роскоши лѣтнихъ полянъ, не бѣжалъ, терзаемый мукою обыденности.

„Жалкаго слова не трусь“ и онъ не трусилъ; въ мірѣ будничнаго, въ этомъ омутѣ безликомъ, разсыпалъ онъ алмазности словъ своихъ и „ритмами дышалъ, какъ волнами кадилъ“, ибо таковъ былъ его поэтическій темпераментъ, ибо пѣть нельзя не мучась.

...„И было мукою для нихъ, что людямъ музыкой казалось“. И свою муку воплотилъ поэтъ въ печально-нѣжныхъ ритмахъ своей поэзіи, свою муку, излученную въ закатные сумерки и дымныя облака вдохнулъ онъ въ „бѣло-тревожныя слова“ своихъ строфъ. И струны пѣли...

Струны пѣли, а тамъ наверху улыбалось своей непроницаемой и далекой улыбкой лицо Зевса; вѣдь улыбалось оно и тогда, когда подымалъ Ѳамира свое окровавленное лицо къ безбрежному небу и молился ему. И Зевсова улыбка—утвержденіе будничности, постылости бытія.

Счастье, яркое солнце и наглые маки — только маска, скрывающая будничность и потому-то милѣе уходящее или не пришедшее. Уходящее, рождающее муку воспоминаній, не пришедшее, рождающее муку невозможнаго. И „нѣтъ конца и нѣтъ начала тебѣ тоскующее я“, и пусть Силенъ говоритъ Ѳамиру о красочномъ, горящемъ перламутрами и розами мірѣ, отвѣтомъ ему будетъ: „лучей, однихъ лучей, тамъ музыка“... Но музыка не была для него обманомъ, а жизнь въ мечтахъ о ней не была успокоеніемъ и не яркіе маки были символомъ жизни, а похоронные звоны осени и желтые лучи умирающаго солнца. Въ своемъ гордомъ одиночествѣ болѣлъ онъ музыкой, но звучала она въ таинственной пустотѣ и безобманности бытія.

„Господа, я не романтикъ,—пишетъ Анненскій,—я не могу, да и вовсе не хотѣлъ бы уйти отъ безнадежной разоренности моего поплаго міра. Я... посѣтилъ такіе сомнительные уголки, что звѣзды и волны, какъ ни сверкай и ни мерцай онѣ, а не всегда-то меня успокоятъ“. И болѣющій тоскою, томящійся въ обыденности постылаго бытія, онъ всегда оставался романтикомъ и не успокоенный не измѣнялъ онъ своему лирическому *я*,—тоскующему *я*.

Поэтъ и ученый филологъ, переводчикъ Эврипида, типичный представитель громадной культуры русскаго декаданса, Анненскій остался въ сторонѣ отъ большинства поэтовъ, представителей той же культуры, остался въ сторонѣ отъ тяготѣнія ихъ къ философической теоретизаціи, къ поэтической схоластикѣ и преодолѣвающимъ міропониманіямъ. И потому-то въ хвалебныхъ статьяхъ Г. Чулкова, М. Волошина и В. Иванова объ Анненскомъ сквозь видимое пріятіе поэта чувствуется осужденіе ему. Импрессіонизмъ и крайній субъективизмъ, мѣшающіе установленію истинъ религіознаго и символическаго порядка, отсутствіе въ его поэзіи «многозначительныхъ словъ“, которыя приближали бы насъ къ міру болѣе глубокому и болѣе реальному, бѣгство отъ принудительнаго канона школы — вотъ къ чему сводится это осужденіе, одинаково характеризующее какъ и самого поэта, такъ и творческія устремленія нашего времени.

„Не все-ли намъ равно, активно-ли страстный у поэта темпераментъ, или пассивно и мечтательно-страстный. Намъ важна только форма его лирическаго обнаруженія“—писалъ Анненскій. И не все-ли намъ равно къ какимъ словамъ и истинамъ пришелъ поэтъ и каковъ былъ его творческій методъ, важно лишь одно, оправданы-ли они лирически. И Анненскій оправдалъ и *свой* методъ, и *свои* слова, и *свои* истины, оправдалъ ихъ своей поистинѣ художнической совѣстью, не искушенной ни принудительными канонами, ни многозначительностью словъ.

И былъ-бы вѣрно я поэтъ,
Когда-бъ выдумывалъ себя...
И былъ-бы мой свободный духъ...
Теперь не „я“, онъ былъ-бы Богъ...

Но Анненскій былъ конечно поэтомъ, и былъ имъ потому, что не выдумывалъ себя, потому, что оскорбительнымъ было для него ограниченіе своего лирическаго *я* какимъ либо опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, оскорбительнымъ было подавлять произволъ творческаго вдохновенія и свободу стиха вѣрностью рецептамъ школьныхъ методовъ. И то, что называютъ импрессіонизмомъ въ творчествѣ Анненскаго, т. е. недоговоренность и прикровенность его поэзіи, явилось результатомъ категорическаго требованія его лирической индивидуальности, и, конечно, не импрессіонизмъ привелъ поэта къ ропоту, унынію и горькому скепсису *), а наоборотъ, эти настроенія должны были привести къ прикровенности его поэзіи.

*) О поэзіи И. Ѳ. Анненскаго. В. Ивановъ. «Аполлонъ» 1910 г. № 4.

Своимъ поэтическимъ постиженіемъ не увѣровалъ онъ въ значительность непризрачнаго міра явленій также, какъ не найдя въ себѣ религіознаго паѳоса, не увѣровалъ и въ значительность потусторонняго, но тайна души, тайна тоскующаго *я* была для него несомнѣнной. «*Я*, которое хотѣло бы стать цѣлымъ міромъ, раствориться, разлиться въ немъ, *я*, замученное сознаніемъ своего безысходнаго одиночества, неизбѣжнаго конца и безцѣльнаго существованія» — таково *я* современности, и въ этихъ строкахъ изъ статьи о Бальмонтѣ въ сущности — желаніе интуитивно возстановить свою лирическую индивидуальность. А въ другомъ мѣстѣ, въ статьѣ «Изнанка поэзіи», Анненскій снова говоритъ о безцѣльности существованія, о подневольномъ участіи въ жизни и о томъ, что мечтатели имѣютъ съ жизнью «свое чисто мечтательное общеніе, въ которомъ каждый чувствуетъ себя не только господиномъ жизни, но и ея солнцемъ... и чѣмъ безцвѣтнѣе самый фонъ моего существованія, тѣмъ ярче будетъ сіять... мое солнце». Безцѣльное существованіе — съ одной стороны и чисто мечтательное общеніе съ міромъ — съ другой, *я*, замученное одиночествомъ, стремящееся стать цѣлымъ міромъ и замкнутость одиночества, подполье тоскующаго *я*, дышащаго ритмами, разсыпающаго изъ своей кошницы алмазныя слова и еще больше болѣющаго алмазностью этихъ словъ въ опустошенномъ мірѣ...

Наивно желаніе поэта убѣдить насъ въ томъ, что его творческое *я*, его прекрасное солнце, свѣтило не въ подпольи, наивно желаніе налгать намъ, что онъ точно обладалъ жизнью. Наивно это слово „налгать", ибо нельзя повѣрить его лжи; въ сущности и лгать то онъ не собирался, а писалъ такъ, желая увѣрить насъ, что не струсилъ онъ жалкаго слова, не бѣжалъ жизни и не «зеленой жвачкой» были его мечтанія. Изъ своего подполья жадными глазами смотрѣлъ поэтъ на жизнь, влекущую къ себѣ призрачными мимолетными соблазнами, а за ними прозрѣвалъ онъ нѣмую черноту, нудную пустоту бытія и Зевсову улыбку, томящую своей неразгаданной значительностью. И прозрачно-прикровенными, мучительно-простыми словами говорилъ онъ объ опустошенности міра...

Въ критическихъ статьяхъ, въ которыхъ Анненскій всегда оставался поэтомъ, онъ много писалъ объ эстетическихъ критеріяхъ рѣчи и оправдывалъ законность словотворчества. Въ его поэзіи попытки творчества новыхъ словъ—крайне рѣдки и несмѣлы и не ими, все же почти всегда вдохновенно-выразительными осіянна поэзія Анненскаго, а повышеннымъ чувствомъ рѣчи, художественной цензурой словъ, вытекающей изъ чувствованія самодовлѣющей эстетической цѣнности ихъ.

Есть слова. Ихъ дыханье,—что цвѣтъ:
Такъ же нѣжно и бѣло--тревожно...

И все въ мірѣ внѣшнемъ, и все въ мірѣ внутреннемъ различалось поэтомъ только по цвѣту, по окраскѣ, по тонамъ и цвѣтовымъ нюансамъ. Въ драмѣ «Ѳамира—Киѳаредъ» даже сцены окрашены каждая въ свой цвѣтъ: сцена темно-сапфирная, сцена бѣлыхъ облаковъ, темнозолотого солнца, лунно-голубая, ярко-лунная, заревая. Влюбленный въ блеклость, для того, что близко и желанно ему, находилъ онъ особо прекрасныя, особо нѣжныя и мягкія сочетанія тоновъ и сплеталъ фату «прозрачно-травянистую», которою овуалено все его творчество.

И не только прекрасныя сочетанія тоновъ, но и прекрасныя сочетанія нѣжныхъ и мягкихъ словъ вплеталъ онъ въ эту фату.

По желтому шелку ковровъ, сотканныхъ изъ опавшихъ осеннихъ листьевъ, блуждалъ печальный пѣвецъ тоскующаго *я*, и эпиграфомъ къ закатно-струнной мелодіи его пѣсенъ могутъ быть слова: «если вольное страданіе сознательно безцѣльно... оно удѣлъ только избранныхъ.

И только избранные умираютъ молча въ одинокомъ изумленіи»...

ВИКТОРЪ ХОВИНЪ.

РЕЛИГІЯ ИЛЛЮЗІИ.

(Поэзія А. Блока).

Средневѣковый рыцарь, въ голубомъ плащѣ романтизма прогуливающійся по проспектамъ современности и пѣсни молитвы слагающій Прекрасной Дамѣ: вотъ обычный взглядъ на Александра Блока. Но вѣра въ Прекрасную Даму лишь первый этапъ его пути: теперь для него прежнія мечты и молитвы—только „бредъ обнищалой души"—знаетъ поэтъ, что безъ возврата ушла отъ него Прекрасная Дама и больше никогда не придетъ: «она не ѣздитъ на пароходѣ». Электрическій свѣтъ городскихъ тротуаровъ сжегъ волшебный замокъ рыцаря-поэта, а въ новомъ жилищѣ его нѣтъ иконъ. Жаждущій вѣры молится онъ пустому углу — опьяненіемъ созданной Незнакомкѣ: въ темныхъ переулкахъ, въ кабакахъ находитъ онъ новую Царицу—но и находя не знаетъ, что дѣлать съ ней, среди «этой пошлости таинственной». Вѣрному одной мечтѣ поэту потеря вѣры — смерть. Онъ мертвецъ, ибо не знаетъ, кому молиться, кого любить, кому слагать прекрасные гимны...

Мы были, но мы отошли,
И помню я звукъ похоронъ:
Какъ гробъ мой тяжелый несли,
Какъ сыпались комья земли...

Но не напрасно «Нечаянной радостью» названа самая печальная изъ книгъ поэта: неожиданно нашелъ онъ путь къ Жизни въ новой религіи иллюзіи.

Если безъ вѣры не рождаются пѣсни, а жизнь безъ молитвъ и безъ пѣсенъ—та же смерть, то надо творить иллюзію вѣры, иллюзію жизни, чтобы пѣть такія же пѣсни, какъ прежде и такія же гимны слагать божеству. Снова „по темной слякоти дороги“ плетется «полинялый» балаганъ поэта:

Тащитесь, траурныя клячи!
Актеры, правьте ремесло!
Чтобы отъ истины ходячей
Всѣмъ стало больно и свѣтло!
Въ тайникъ души проникла плѣсень,
Но надо плакать, пѣть, итти,
Чтобъ въ рай моихъ заморскихъ пѣсенъ
Открылись торные пути.

Новая религія поэта—религія съ двойными скрижалями завѣта. Въ его душѣ—плѣсень безвѣрія, но во внѣ онъ, актеръ добросовѣстно правящій свое ремесло, творитъ иллюзію вѣры. Все тѣмъ же инокомъ остается онъ, какимъ, былъ прежде—поклонъ, его низокъ, ликъ его строгъ, благоговѣйно склоняется онъ къ темнымъ ликамъ потерявшихъ для него святость иконъ—и никто не знаетъ, что онъ безуменъ. Въ новомъ созданномъ имъ мірѣ нѣтъ его невѣрующаго „я“: оно скрыто подъ темною маскою рыцаря. Маску прежняго лика своего надѣлъ поэтъ и печальною тѣнью бродитъ по заламъ грандіознаго маскарада. Онъ вѣчно „въ сказкѣ“, онъ вѣчно мечтаетъ—и не надо ему розъ земной любви, ему, возлюбленному Прекрасной Дамы. Страшнымъ сномъ промелькнуло безвѣріе и онъ «вновь все тотъ же у руля», и вновь поетъ „все также стройно, мечту родного корабля“.

И я пришелъ, плющемъ вѣнчаный,
Какъ въ юности,—къ истокамъ рѣкъ.
И надъ водой, за мглой туманной—
Мнѣ улыбнулся тотъ же брегъ.
Какъ будто время позабыло
И ничего не унесло,
И неизмѣннымъ сохранило
Пѣвучей юности русло.

Вновь можетъ онъ творить свои строчки и открывать намъ пути въ рай своихъ заморскихъ пѣсенъ. Вновь поетъ онъ о скоромъ пришествіи Прекрасной Дамы: «Она придетъ. Забѣлѣетъ сіянье. Безъ вины прижметъ къ устамъ уста».

Въ чаяньи земли Грядущаго полюбилъ онъ землю настоящаго:

«Полюби эту вѣчность болотъ,
Никогда не изсякнетъ ихъ мощь»...

И темный рыцарь, печальный рыцарь, опершись на мечъ разсказываетъ онъ сказки—и кажется намъ, что ничто не измѣнилось, все какъ было.

«Все, какъ было. Только странная
Воцарилась тишина.
Словно что-то недосказано,
Что всегда звучитъ, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.

Недосказано лишь въ новыхъ пѣсняхъ поэта о томъ, что самъ онъ больше не вѣритъ своимъ словамъ. Онъ говоритъ намъ о солнцѣ, но знаетъ, что «въ этомъ мірѣ солнца больше нѣтъ». И въ „Ея прибытіе“ больше не вѣритъ онъ, ибо знаетъ, что не придутъ долго-жданные корабли. Нѣтъ прежняго рыцаря, умеръ рыцарь: это его лицемѣрную маску мы видимъ,—а подъ нею кощунственно смѣются надъ суевѣріемъ молитвы лживыя уста поэта. На головѣ у него—картонный шлемъ, въ рукахъ—деревянный мечъ, и на крестѣ распинаемый не кровью истекаетъ онъ, а клюквеннымъ сокомъ; его призывы—лишь «пляшущая тѣнь» прежнихъ искреннихъ призывовъ, его душа, раскрываемая въ пѣсняхъ—только «забытый слѣдъ чьей-то глубины». По словамъ А. Бѣлаго, онъ творитъ не свою жизнь, а свои строчки, все сжигая на алтарѣ ничего.

Не къ прежней вѣрѣ вернулся поэтъ, а «въ новой снѣговой купели» крещенъ онъ «вторымъ крещеніемъ». И если—только носитъ онъ маску темнаго рыцаря, — то и его новое божество—только маска истиннаго—его Снѣжная Дѣва—Снѣжная Маска. Прекрасная Дама была Звѣздою, упавшей съ неба,—а Снѣжная Дѣва—земная—она—«высокая женщина въ черномъ, съ глазами крылатыми и влюбленными въ огни и мглу снѣжнаго города». Изъ дикой дали пришла она и полюбила скромнаго, прислоненнаго у стѣны рыцаря—„зато, что плащъ мой полонъ звѣздъ, за то, что я въ стальной кольчугѣ, а на кольчугѣ—строгій крестъ“. Онъ, покорный, предался ей, «давно и тайно милой»; предался, но не полюбилъ ее.

Я опрокинутъ въ темныхъ струяхъ
И вновь вдыхаю, не любя,
Забытый сонъ о поцѣлуяхъ,
О снѣжныхъ вьюгахъ вкругъ тебя.

Снѣжная Дѣва даетъ ему маску, обративъ въ ледъ его сердце, отнимаетъ у него его желѣзный мечъ: да и не нуженъ ему мечъ—все равно не выйдетъ онъ на турниръ сразиться во имя Прекрасной Дамы: онъ теперь

„Всѣхъ забылъ, кого любилъ,
И сердце вьюгой закрутилъ,
И бросилъ сердце съ бѣлыхъ горъ,
Оно лежитъ на днѣ!

Не велика его любовь, его преданность Снѣжной Дѣвѣ: „я измѣню тебѣ, какъ той, не

измѣняя, не лукавя", говоритъ онъ. Ему теперь „все равно какія лобзать уста, ласкать плеча, въ какія улицы глухія гнать удалого лихача". Ему все равно, къ какой итти вечернѣ, но только бы итти, только бы молиться, чтобы не узнали люди о его страшной тайнѣ. Только носить маску, казаться прежнимъ и въ недоступной глубинѣ скрывать «страшный міръ »своей души.

„Страшный міръ"—міръ, въ которомъ нѣтъ масокъ, гдѣ поэтъ открываетъ истинное лицо свое, гдѣ присутствуетъ онъ самъ—„позорный и продажный, съ кругами синими у глазъ". Страшный міръ его души—безвѣрія, безразличія:

«Я пригвожденъ къ трактирной стойкѣ,
Я пьянъ давно. Мнѣ все равно»...

И только потому „такой приниженный и злой" торгуется онъ на базарахъ міра, что ему „забавно жить". «Все въ мірѣ—кружащійся танецъ»—и забавно смотрѣть на него. Для поэта-актера жизнь—только веселый балаганчикъ, гдѣ актеры-люди стараются показать, что живутъ: веселятся, разочаровываются, молятся... Забавна и смерть—какъ театральное зрѣлище наблюдаетъ ее поэтъ («О смерти»), - но самое забавное въ мірѣ то, что и онъ, мертвецъ играетъ роль темнаго рыцаря, печальнаго рыцаря какой-то Прекрасной Дамы:

Забавно жить. Забавно знать,
Что подъ луной ничто не ново,
Что мертвому дано рождать
Бушующее жизнью слово.

Но еще не пройденъ поэтомъ путь къ религіи Иллюзіи. Еще тоскуетъ онъ по прежнемъ ликѣ своемъ, еще тяготится онъ своей маской, тяжело ему „качать чужую колыбель, ласкать немилаго ребенка". И надъ потухшимъ каминомъ еще рыдаетъ онъ...

Не затѣмъ величалъ я себя паладиномъ,
Не затѣмъ вѣдь и ты приходила ко мнѣ,
Чтобы только рыдать надъ потухшимъ каминомъ,
Чтобы только плясать при умершемъ огнѣ.
Или счастіе вправду невѣрно и быстро,
Или вправду я слабъ уже, боленъ и старъ?
Нѣтъ, въ золѣ еще бродятъ послѣднія искры,
Есть огонь, чтобы вспыхнулъ пожаръ!

Свѣнельдъ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ДѢЙСТВО.

Прыжками фавна, ты
меня убѣдишь, актеръ!

Двѣ силы руководятъ жизненными проблемами человѣчества — напряженность и эластичность. Дополняя другъ друга и развиваясь онѣ создаютъ то равновѣсіе бытія индивидовъ безъ котораго немыслима жизнь, опредѣляющая отсутствіе одного изъ указанныхъ факторовъ въ сферѣ умственной какъ психическое убожество, и какъ всякого рода недуги, въ случаѣ нарушенія этой гармоніи—въ тѣлѣ.

Это—элементарная необходимость, условіе очень цѣнное, или... ничтожное. Условіе, не дающее еще возможности къ творчеству, къ обожествленію человѣческаго «я», заложеннаго съ момента явленія міру каждой новой личности. Этими силами еще не удовлетворяется моментъ вдохновенности и просвѣтленія, желаніе взглянуть на самаго себя, какъ на произведеніе искусства, поразиться собственнымъ отраженіемъ въ зеркалѣ.

Творческое желаніе стать хоть на мгновеніе умнѣе себя, красивѣе себя, сильнѣе себя, требуетъ чего-то еще.

Непремѣнная потребность къ самораздвоенію на матеріалъ и творящую личность создаетъ новую силу, новую волю, новое чувство: театральность. Входя безсознательно въ организмъ духа и тѣла, театральность проникаетъ во всѣ детали бытія, нерѣдко становясь главенствующимъ моментомъ въ жизни. Еще наши прародители Адамъ и Ева ярко и поучительно проявили свою волю къ театральности, когда въ тотъ знаменательный, прекрасный моментъ, имъ стало вдругъ стыдно... Этотъ стыдъ—въ сущности неосознанное желаніе къ творчеству и толкнулъ ихъ на геніальное изобрѣтеніе, на первый творческій продуктъ.

Эволюція театральности, проявленная въ чувствѣ, мысли и жизни, и привела въ концентраціи ея въ опредѣленное дѣйство.

Всякому искусству предшествуетъ моментъ изоляціи, моментъ отдѣленія отъ всего опредѣленно жизненнаго и вознесенія къ предѣламъ обособленности. И фактъ появленія театра, т. е. мѣста исключительнаго обособленія «дѣйства театральности» — говоритъ о томъ, что передъ нами истинное искусство со всѣми своими сложными законами.

Не на землѣ, а на подмосткахъ предстаетъ предъ изумленнымъ созерцаніемъ, магъ театральности—актеръ. И первый выходъ актера, даже не выходъ, а этотъ затаенный моментъ передъ выходомъ вѣщаетъ о началѣ театральнаго дѣйства. Наличность подмостковъ, безъ которыхъ едва-ли возможно театральное представленіе, какъ-бы говоритъ намъ, что сущность театра лежитъ въ области чисто эстетическаго переживанія въ искусствѣ. Въ театрѣ, какъ нигдѣ рѣзко подчеркивается необходимость изоляціи мѣста и дѣйства, въ которой и заложена сущность эстетическихъ цѣнностей, довлѣющихъ въ себѣ. Безъ этой изоляціи невозможно художественное творчество иллюзіи, въ которое выливается искусство театра. Въ этомъ—независимость иллюзіи отъ

дѣйствительности, и возможность ея происхожденія изъ представленія, фантастики, или сновидѣнія. Иллюзія, отбрасываемая обычно практикой жизни за непригодностью, лишь въ эстетикѣ становится самоцѣлью, и эстетическое переживаніе не имѣетъ ничего общаго, поэтому, съ сужденіями о реальности, иллюзорности и художественномъ обманѣ.

Важно установить, что театральное дѣйство является всегда искусствомъ внѣшнихъ формъ. Искусство владѣнія внѣшними формами—это искусство актера.

Въ театрѣ нѣтъ предметовъ съ ихъ богатыми содержаніями, въ театрѣ—одна лишь видимая внѣшность. Какъ при игрѣ кристалловъ наше воспріятіе очаровывается внѣшней формой, блескомъ—такъ и въ театральномъ дѣйствѣ—матерія ненужна.

Въ пестрой смѣнѣ жестовъ, словъ, положеній, въ яркомъ чередованіи красокъ костюма, лоскутовъ, въ звонѣ бубенцовъ и выкриковъ—въ этомъ очаровательномъ калейдоскопѣ брызжущихъ искорокъ почившей интуиціи — есть волшебство театра. Въ актерѣ—долженъ сидѣть художникъ-интуитъ, черпающій благословеніе дѣламъ своимъ изъ благостнаго соприкосновенія съ Бытіемъ, невидимымъ Міромъ духотворенія создающимъ искусство.

Когда говорятъ о происхожденіи театра, то среди всякихъ предположеній, особенно пріятнымъ является то, которое, видитъ театръ вытекающимъ изъ религіозныхъ обрядовъ. Пусть ошибочно все это—исходя изъ сказаннаго выше, всякій обрядъ, хотя-бы и религіозный вытекаетъ изъ внутренней воли къ театральности, поэтому театръ, конечно предшествовалъ религіямъ. Но это все равно. Въ этомъ заблужденіи есть примиряющій ароматъ божественнаго служенія, онъ напоминаетъ о присутствіи божества, незримо царящаго въ происходящей литургіи театральности.

И пусть прекраснымъ божествомъ театральныхъ дѣйствъ будетъ козлоногій фавнъ. Пусть театръ превратится въ игрища, въ фавналіи—мы всѣ будемъ опьянены прыжками, побѣднымъ крикомъ этого прекраснаго уродца.

Придя въ театръ мы одѣнемъ тогу—мы будемъ тоже театральны—и тѣмъ участіе свое подчеркнемъ въ происходящемъ торжествѣ.

Влюбленный актеръ намъ улыбнется. А когда чей-то грубый голосъ, крикнетъ возмущенно: все это ложь, ложь, обманъ!!—Улыбнемся мы и отвѣтимъ: «потому, что театръ»!

Самуилъ Вермель.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Дневники писателей. № I. СПБ. 14 г. ц. 20 к.

Когда появились объявленія о выходѣ „Дневниковъ Писателей“, какъ то не вѣрилось въ „безпартійность“ ихъ, не вѣрилось потому, что редакторъ и „ближайшій сотрудникъ“ журнала Ѳ. К. Сологубъ—не только большой поэтъ, но и сторонникъ опредѣленнаго міропониманія,—символическаго міропониманія, того демократическаго символизма, о которомъ такъ много говорятъ теперь.

Мы не разъ высказывались противъ „партійности“ Ѳ. Сологуба и его единомышленниковъ, противъ сугубой догматичности и теоретичности символическаго міропониманія и все же, не повѣривъ въ обѣщанную безпартійность, мы радовались этому, ибо надѣялись, что все невнятное въ новомъ міропониманіи современныхъ символистовъ будетъ разъяснено,—станетъ внятнымъ. Наши подозрѣнія съ выходомъ № 1 „Дневниковъ Писателей“ до извѣстной степени оправдались: въ журналѣ говорятъ о „нашихъ единомышленникахъ“ и о „нашихъ противникахъ“, впрочемъ, этимъ партійность и исчерпывается, а „безпартійность“ сводится... къ отсутствію всякаго содержанія. Если къ этому обязываетъ девизъ „свободныя мысли въ свободной формѣ“, то Богъ съ ними и со свободными мыслями и со свободной формой...

...„Хотимъ говорить объ искусствѣ, объ его вѣчно живой жизни, единственно-свободной и вѣрной утѣшительницѣ нашей“—обѣщаетъ редакція. Но неужели же то, что сказано Сологубомъ въ его замѣткахъ, это-все, что можетъ быть сказано о вѣрной утѣшительницѣ нашей? Неужели такъ-таки нечего сказать о вѣчно живой жизни искусства больше того, что сказано въ журналѣ? Быть можетъ не успѣли спѣться *), не поняли дѣйствительной цѣли новаго изданія, конечно можетъ быть, даже весьма вѣроятно, но это должно было привести или

---

*) Примѣръ разноголосицы. Редакція журнала собирается говорить объ искусствѣ, а Л. Андреевъ радуется, что изъ «Дневниковъ» читатели «узнаютъ правду» о писателяхъ; тому же наивно радуется и А. Крандіевская, когда пишетъ, что открывается просторъ для интимнаго «въ чемъ самая суть всего и для всѣхъ и заключена». Она находитъ легкомысленной и неумной фразу: «мнѣ рѣшительно не интересно зчать, какъ себя ведетъ въ интимной жизни Розановъ». Однако гдѣ же редакція и что же наконецъ—вѣрная утѣшительница или... интимная жизнь Розанова?

Къ сожалѣнію «Дневники Писателей» были получены нами тогда, когда «Очарованный Странникъ» заканчивался печатаніемъ, а потому мы и не имѣемъ возможности болѣе подробно остановиться на томъ значеніи, которое придается въ журналѣ письмамъ и инымъ интимностямъ изъ жизни писателей.

къ нарушенію свободной формы, или къ нарушенію свободной мысли, но не къ безъидейности и безсодержательности.

Мы очень любимъ Сологуба-поэта и съ радостью отмѣчаемъ прекрасные стихи его въ № 1 «Дневниковъ», мы готовы слушать доклады поэта о символическомъ міропониманіи, но зачѣмъ намъ дневникъ Сологуба, газетнаго публициста, зачѣмъ намъ его замѣтки о смерти Кальметта, о г-жѣ Кайо, или другія „свободныя мысли"? На это отвѣчаетъ впрочемъ „письмо читателя", письмо въ нѣкоторомъ родѣ знаменательное. Быть можетъ читателю и подобаетъ высказывать столь наивныя мысли, но зачѣмъ редакціи было помѣщать ихъ (безъ комментарій) и тѣмъ самымъ брать на себя отвѣтственность за содержаніе письма. Если бы не подпись „читатель", то письмо это можно было бы принять за передовицу, за credo единомышленниковъ изъ „Дневника".

По „читателю" выходитъ, что замѣтки Сологуба относительно Кайо или Кальметта и есть самое цѣнное, что можетъ дать намъ поэтъ. Вообще читатель вѣроятно человѣкъ съ прекрасными склонностями, такъ напримѣръ, онъ не только хочетъ любоваться искусствомъ, а хочетъ „жить-быть въ немъ, какъ въ храмѣ". Правда, неправильно понятая мысль поэта: „о, еслибъ безъ словъ сказаться душой было можно", приводитъ его къ весьма и весьма сомнительнымъ, скажемъ прямо недоброкачественнымъ сужденіямъ. „Слова нѣтъ, эстетика и формальная, и внутренняя,—пріятная вещь, но не одной эстетикой жива душа человѣческая, а всѣмъ, такъ сказать, комплексомъ высшихъ чувствъ". Тѣмъ болѣе поясняетъ читатель, какъ не искренни произведенія писателей, все же есть въ нихъ и привкусъ оффиціальности, принятой литературности. Чтобъ выразить свою мысль... писатель... создаетъ или придумываетъ положенія, образы, возится съ ними". А читателю, жалуется авторъ письма, приходится самому вылавливать изъ моря словъ нужное (!)... „Иное дѣло—письма писателей. Тутъ писатель подаетъ рыбу безъ моря".

О, мы конечно увѣрены, что Сологубъ не думаетъ мыслями своего читателя, но зачѣмъ же было подписываться подъ ними, такъ своеобразно отразившими мережковщину нашихъ дней, тоже говорящую о пріятности эстетики, но и комплексѣ высшихъ чувствъ,—о рыбѣ безъ моря.

Викторъ Ховинъ.

Четки. Анна Ахматова. Из-во „Гиперборей." Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Холодкомъ луннаго свѣта и нѣжной, мягкой женственностью вѣетъ отъ стиховъ Ахматовой. И сама она говоритъ: „Ты дышешь солнцемъ, я дышу луною". Дѣйствительно дышитъ она луною и лунныя мечты разсказываетъ намъ, свои мечты о любви, осеребренныя лучами и мотивъ ихъ простой, неискусный.

Въ ея стихахъ нѣтъ солнечности, нѣтъ яркости, но они странно влекутъ къ себѣ, манятъ какой-то непонятной недоговоренностью и робкой тревогой.

Почти всегда поетъ Ахматова о немъ, о единомъ, о томъ, чье имя „Любимый". Для него, для Любимаго бережетъ она свою улыбку:

„У меня есть улыбка одна.
Такъ. Движенье чуть видное губъ.
Для тебя я ее берегу"...—

Для любимаго ея тоска и даже не тоска, а печаль, „терпкая печаль", порою нѣжная и тихая.

Боится она измѣнъ, потерь и повторности „вѣдь столько печалей въ пути", боится,

„Что близокъ, близокъ срокъ,
Что всѣмъ онъ станетъ мѣрить
Мой бѣлый башмачекъ".

Любовь и грусть, и мечты, все сплетено у Ахматовой съ самыми простыми земными образами и быть можетъ въ этомъ кроется ея обаяніе.

„Я... въ этомъ сѣромъ, будничномъ платьѣ на стоптанныхъ каблучкахъ"—говоритъ она о себѣ. Въ будничномъ платьѣ ея поэзія и все же она прекрасна, ибо Ахматова—поэтъ.

Земнымъ питьемъ напоены ея стихи и жаль только, что простота земного, часто сближаетъ ихъ съ нарочито-примитивнымъ.

О. Вороновская.

Игорь-Сѣверянинъ. Златолира. Поэзы. Книга вторая. Изданіе первое. И-во «Грифъ» Москва. 1914. Стр. 131. Цѣна рубль.

Еще недавно литературная клака шипѣла и свистѣла по адресу Сѣверянина, теперь же литературные прихвостни обиваютъ пороги прихожей поэта, а провинціальные актеры съ подвываньемъ и трагической мимикой декламируютъ его стихи передъ умиленнымъ мѣщанствомъ. И хочется сказать поэту: „Осторожнѣе, публика зла и мелочна—одного она забьетъ, а другого заласкаетъ „шершавымъ языкомъ слизнетъ съ него божественное подобіе и оставитъ лишь плоскую, тупую маску"! И я боюсь, что заласканье началось. Въ ко-

роткое время было расхватано четыре изданія «Громокипящаго Кубка» и теперь, наряду съ пятымъ, появилась и „Златолира“ — большой томъ мелкой печати. Мнѣ кажется, что самая большая опасность для поэта вообще — *многопечатаніе*. Конечно, не *многописаніе*; не слѣдуетъ затворять уста, но тѣмъ болѣе цѣломудренно и скупо долженъ являть поэтъ свои достиженія міру—за каждое изъ нихъ онъ долженъ пламенѣть душой, а не то придется прислушиваться ему къ безсмысленной болтовнѣ говоруновъ и пустомелей. Въ данномъ случаѣ виновато еще и издательство; оно плохо издало книгу—печать слишкомъ мелка, переносы небрежны и видъ книги непріятенъ. А вѣдь никто такъ не нуждается въ тщательной оправѣ типографщика, какъ сборники стиховъ. Другая крупная ошибка — хронологическая путаница; стихи расположены совершенно произвольно и потому-то созрѣвшее тонетъ среди безвкусной зелени. Воспріятіе Сѣверяниномъ города въ лучшихъ его вещахъ напоминаетъ многоструннымъ ощущенія островитянина попавшаго въ сутолоку жизни; въ его *внѣшнемъ*, такъ часто и плоско бранимомъ, есть магія *внутренней цѣнности*. Но, конечно, истинный путь его—Великая Земля, баловникъ—май, милыя, патріархальныя «Дылицы». Нѣнѣженной лисодѣвѣ онъ напоминаетъ, что у нея „лисопрофиль“; это она „забывшая травы“ вновь вспомнитъ ихъ, спасетъ поэта и приведетъ его къ „говору хатъ“. А спасти его надо — отъ опасности перепѣва, отъ великой бѣды стать „сѣверянистомъ“, отъ неуклюжаго манерничанья провинціалки замѣняющей истинную грацію жеманствомъ. И, конечно, спасеніе придетъ—черезъ рукоплесканія толпы до Сѣверянина долетитъ шумъ кленовъ, ароматъ родимыхъ „Дылицъ“, гдѣ онъ создавалъ свои утреннія, очаровательныя пѣсни. Садъ, зачарованный садъ — его царство; его, принца Миррэллія, ждетъ покинутый тронъ, въ чащѣ, въ сплетеніи вѣтвей и шорохѣ листьевъ. Пусть же сердцу своему скажетъ онъ:

Войди въ мой садъ... Давно одебренъ.
Его, когда-то пышный видъ.
Днемъ золоченъ, въ лунѣ —серебрянъ
Онъ весь преданьями овитъ.

Поэтъ.

Альманахи „Альціона“ книга 1-ая. Москва. 1914. Стр. 233. Цѣна 2 рубля.

Альманахъ обширный и уже въ силу этого немного утомительный; хотя, быть можетъ, утомляетъ не обширность, а разноголосица. Въ немъ два теченія совершенно различныхъ и внѣшне и внутренне и первое изъ нихъ «отъ лукаваго». Это „лукавое“ больше всего представлено статьей Ходасевича о русской поэзіи—мѣстами она сбивается даже не на статью, а попросту на шаблонный „обзоръ“ въ газетномъ вкусѣ. Непріятна «нарочность» отношенія къ Брюсову, ранжировка поэтовъ по чинамъ и поэтическимъ возрастамъ, а главное — избытокъ почтенія къ старшимъ, ставшій какимъ-то пряникомъ на патокѣ. Больше же всего поражаетъ послѣдняя фраза: «XVIII вѣкъ только въ глазахъ кондитеровъ есть вѣкъ париковъ и фижмъ. *Для поэтовъ онъ — вѣкъ революціи*». Самъ Ходасевичъ творчествомъ своимъ противорѣчитъ своимъ теоретическимъ выводамъ; конечно, это не важно — важнѣе то, что въ тонъ съ его *разсужденіями*, а не критикой идутъ глубокомысленныя статьи Югурты, Георгія Якулова и Маріэтты Шагинянъ. Письма послѣдней о музыкѣ не должны были бы увеличивать альманахъ—слишкомъ они случайны, узки для литературнаго сборника. Изреченіе Канта: «Я мыслю должно сопровождать всѣ мои представленія» поставленное во главу угла г. Югуртой ярко опредѣляетъ заданія вышеупомянутыхъ статей. Гордый Логосъ пренебрежительно смотритъ на простушку Интуицію—а посмотрите въ какую пеструю одежду нарядили ее Борисъ Садовской и Любовь Столица, какія соблазнительныя и устрашающія приключенія она переживаетъ подъ руку съ Валеріемъ Брюсовымъ и Викторомъ Мозалевскимъ. Поистинѣ она настоящій «Принцъ съ мызы» Михаила Кузмина, для котораго и XVIII вѣкъ право же не вѣкъ революціи, а вѣкъ прелестныхъ женщинъ, фривольныхъ пѣсенокъ и галантныхъ похожденій. Въ книжкѣ живутъ и дышатъ странные вельможи, къ которымъ приходятъ дамы со старинныхъ портретовъ, плачущія царевны расколдовываютъ заледенѣвшаго Снѣгура и смущенныя дѣти впервые чувствуютъ темные и страшные зовы просыпающагося желанія. Въ этомъ волшебномъ мірѣ Логосъ не знаетъ пути и тысячи его глазъ не могутъ услѣдить за прогнанной имъ простушкой.

Но больше всего изукрасилъ Борисъ Садовской свой старорусскій сказъ. Отъ этихъ словъ пѣвучихъ словно гусли и сладкихъ словно сотовый медъ, легко и радостно на сердцѣ. И подъ рокотъ самодѣйныхъ, златострунныхъ гуслей забываешь, что гдѣ-то тамъ есть холодный, непривѣтный край угрюмаго короля—Логоса, что есть у него исхудавшіе, темные слуги и мнится — плывешь въ голубой ладьѣ по золотому морю надъ степью половецкой. Что можетъ быть дороже сердцу родныхъ старыхъ сказокъ? Слушай ихъ, а двери накрѣпко запри отъ злого ворога золотымъ, чудотворнымъ ключикомъ Искусства.

Читатель.

Андрей Шемшуринъ. Футуризмъ въ стихахъ Валерія Брюсова. Москва 1913 г.

Разсказываютъ, что одна маленькая дѣвочка увидавъ поэта Апухтина съ удивленіемъ спросила: «Мамочка, это толстый дядя или нарочно?» «Нарочно, душенька, нарочно» отвѣтилъ ей тучный поэтъ. Вотъ и теперь взявъ въ руки книгу г. Шемшурина, задаешься все тѣмъ же вопросомъ—книга ли это или нарочно? Все въ ней есть—цитаты, примѣчанія (занимающія двѣ трети), полемическіе выводы и глубокомысленныя разсужденія... а самой книги нѣтъ—она невѣроятна, въ ней все нарочно. Неужели же можно повѣрить, что г. Шемшуринъ дѣйствительно нашелъ у Брюсова слово «тумана» (попросту родительный падежъ!) или же славянизмы считаетъ семинарщиной. Непонятны для автора этой невѣроятной книги слѣдующія слова и выраженія: злато, хрустальный день, дикарство, устами богомольными и т. д. Пусть онъ упорно восхищается «изящной простотой и искренностью» гг. Бурениныхъ («идіотство», «бедламство», «сумбурное шутовство»), пусть торжественно изобличаетъ въ невѣжествѣ и «непростительныхъ» ошибкахъ Александра Бенуа и Д. С. Мережковскаго, мы отвѣтимъ читателю на его недоумѣнный вопросъ о толстой книгѣ безъ содержанія: „Это книга или нарочно"?—«Нарочно, душенька, нарочно»!

Келейникъ.

А. С. Волжскій. Въ обители преподобнаго Серафима. Москва 1914. И-во «Путь» Стр. 115. Ц. 35 коп.

«Если Россія призвана принести и свое слово въ міръ, то это слово должно прозвучать не изъ блестящихъ сферъ искусства и литературы и не съ гордыхъ высотъ философіи и науки, а лишь съ величественныхъ и смиренныхъ вершинъ религіи» говоритъ Владиміръ Соловьевъ въ своей замѣчательной книгѣ „Россія и Вселенская Церковь" указывая на религіозный уклонъ творчества Гоголя, Достоевскаго и Льва Толстого. И новымъ подтвержденіемъ этой мысли является и вышеупомянутая книжка—опять примѣръ религіознаго уклона, обращенія къ давно позабытому. И даже быть можетъ больше—мѣстами пахнетъ на васъ ревностью неофита, какой-то радостью обращеннаго язычника. Мнѣ хочется нарочно оставить въ сторонѣ чисто-догматическую, церковную сторону книжки—пришлось бы судить о теплотѣ вѣры, объ искренности ея автора, о томъ, вѣритъ ли онъ такъ прямо, по народному или же еще только хочетъ повѣрить и со страхомъ затаптываетъ вдругъ пробивающееся сомнѣніе. Судить объ этомъ тяжело и ненужно, безполезно и стыдно—какой былъ у него елей, такой онъ и принесъ къ ракѣ преподобнаго Серафима. Даръ этотъ цѣненъ другимъ — еще разъ онъ открываетъ передъ нами силу земной вѣры, молитвенный подвигъ въ воплощеніи его земномъ и иноческомъ. Въ этой небольшой книжкѣ есть благоуханіе православной эстетики и я вовсе не боюсь, что меня сейчасъ станутъ бранить за это слово любители дѣятельной религіи. Созерцаніе, молчальничество—вершина достиженій русскаго иночества изумительно тѣсно сплелись съ завѣтами великаго молчальника и великаго космиста Тютчева, но они же—пустынныя добродѣтели въ опасный часъ явили бранный подвигъ Пересвѣта и Осляби. Такъ сплелись въ подвижничествѣ дѣяніе и созерцаніе; этотъ лиризмъ обительской жизни тонко почувствовалъ Волжскій: «Ободняетъ и *поблекнетъ*». И глаголъ подходящій тутъ—вѣдь это цвѣты—старцы и старицы, изумительный цвѣтникъ, гдѣ народъ находитъ и сладость и укрѣпленіе. Красота православія представлена въ литературѣ нашей скудно и неискусно, а хотѣлось бы раскрыть какъ можно шире все богатство богослужебной символики, созерцательную прелесть Божьихъ садовъ—обителей русскихъ. Въ этой области передъ русскимъ художникомъ-мистикомъ открыта необъятная даль и Нестеровъ съ Волжскимъ лишь на моментъ поднимаютъ краешекъ святой завѣсы. Книгу читаешь легко, на душѣ свѣтло и хочется отвѣтить писавшему ее привѣтомъ преподобнаго: „Здравствуй, радость моя, Христосъ воскресъ".

Келейникъ.

Списокъ книгъ поступившихъ въ редакцію:

Игорь Сѣверянинъ. Златолира. Поэзы. Книга вторая. К-во „Грифъ". Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб.

„Альціона". Сборникъ. Книга первая. Москва. К-во „Альціона". Цѣна 2 руб.

„Любовь къ тремъ апельсинамъ". Журналъ доктора Дапертутто (о театрѣ). №№ 1-й и 2-й. Цѣна по 50 коп.

К-во „Прометей":

Маринетти. Футуризмъ. Цѣна 1 р. 25 коп.

Ив. Вольновъ. Повѣсть о дняхъ моей жизни. Цѣна 1 р. 25 к.

К. Лемонье. Когда я была мужчиной. Цѣна 1 р.

„Петербургскіе вечера". Книга вторая. Ц. 1 р.

В. Хлѣбниковъ. Изборникъ. Изд. „Еуѣ" Ц. 70 к.

Н. Черкасовъ. Въ ряды. Поэма и поэзы. СПБ. 1914 г. Ц. 50 к.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Сам. Вермель

ФАВНЪ

КНИГА СТИХОВЪ.

Тип, т-ва «Свѣтъ». Невскій, 136.

ЛЮБОВЬ КЪ ТРЕМЪ АПЕЛЬСИНАМЪ

Журналъ доктора Дапертутто

(О ТЕАТРѢ).

выходитъ въ С.-Петербургѣ съ 1914 г., въ количествѣ 7—10 книжекъ въ годъ, не менѣе двухъ печатныхъ листовъ каждая, формата in—16°, безъ установленной періодичности.

3 рубля

годовые подписчики присылаютъ: Спб., Театральная площадь, 2 (Журналъ Доктора Дапертутто), или лично вносятъ: въ С.-Петербургѣ, въ Студіи Вс. Эм. Мейерхольда, Троицкая, 13, кв. 8 (понед., среда, пятн., 4—7 ч.) и въ квартирѣ редакціи (ежедневно, 12—3 ч. дня); въ Москвѣ: Армянскій пер., д. 9, кв. 20 (ежедневно 2—5 ч. дня).

Отдѣльныя книжки (50 к.) въ Студіи, у издателя, въ кіоскахъ и книжныхъ магазинахъ.

Редакція открыта по воскресеньямъ (4—6 ч.) Театральная площ., 2.

Содержаніе книги 1-ой.

Стихи: А. Ахматовой, А. Блока, Ю Верховскаго и Вл. Пяста.

Вл. Соловьевъ. Къ исторіи сценической техники commedia dell'arte.

С. Вермель. Моментъ формы въ искусствѣ.

Любовь къ тремъ апельсинамъ.

М. Ф. Г. Образцы ритмической интерпретаціи у русскихъ композиторовъ.

К. Вогакъ. Роза и Крестъ.

Hoffmaniana (1—Вл. Княжнинъ) Студія, хроника, Errata. Обложка Ю. Бонди.

Содержаніе книги 2-ой.

Стихи: Ѳ. Сологуба, З. Гиппіусъ, Вл. Княжнина.

Вс. Мейерхольдъ и **Ю. Бонди**—Балаганъ.

С. Вермель. Иронія.

Вл. Соловьевъ. Къ исторіи сценической техники comedia dell'arte.

Вл. Пястъ. Тирсо-де-Молина.

Вс. Мейерхольдъ. Памяти В. Ф. Коммиссаржевской.

Вл. Соловьевъ. «Турандотъ», графа Карло Гоцци на русской сценѣ.

С. Радловъ. Новыя комедіи Менандра, кн. Г. Р. Церетели.

К. Вогакъ.—Спектакли Мольера.

Е. Знеско-Боровскій.—О книгѣ К. Эрбера «Цѣль творчества».

А. Чеботаревская. О театральныхъ диспутахъ.

Hoffmaniana—2, Хроника, Студія, Errata.

Редакторъ-Издатель *Вс. Мейерхольдъ.*

Съ марта 1914 г. въ СПБ. выходитъ безпартійный журналъ новаго типа, подъ редакціей и при ближайшемъ участіи Ѳедора Сологуба

Дневники писателей.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно тетрадками не менѣе 2 печ. листовъ. Къ участію привлекаются поэты, беллетристы и критики. Задача журнала—знакомить читателей съ современными взглядами писателей на событія литературы искусства и жизни—въ свободной формѣ дневниковъ и замѣтокъ.

Подписка (2 р. за 12 №№) принимается въ редакціи: Разъѣзжая, 31, кв. 4, отъ 3—6 дня, у Митюрникова (Литейный, 31) и у Вольфа (Гостин. Дворъ, 18).

Въ 1 № произведенія и письма **Бальтрушайтиса, Ѳедора Сологуба, М. Волошина, И. Рукавишникова, О. Миртова, Ан. Чеботаревской, А. Крандіевской, А. И. Куприна, Леонида Андреева.**

Цѣна 35 коп.